

СПЕЦИФИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается специфика и основные структурные элементы социального и культурного пространства.

Ключевые слова: культура, социум, пространство, структурность, творчество, свобода, хозяйственная деятельность.

Исследование социума всегда раскрывало перед взором ученого многообразную, многослойную и противоречивую целостность. Прежде всего, культура и социум не существуют отдельно. Они являют собой такие равнородственные образования, которые пересекаются, взаимовлияют, взаимодействуют, взаимоисключают друг друга, обладая лишь относительной самостоятельностью. Однако их атрибутивная сторона всегда включает в себя две основных компоненты — пространство и время.

В социуме пространство и время приобретают некую специфику, что многократно отмечалось в трудах по антропологии, этнографии, искусствоведению, истории, философии и т.д. Общие положения, связанные с формой существования универсума, с его познанием, вне зависимости от философской парадигмы — субстанциальной или реляционной, материалистической или идеалистической, объективистской или субъективистской, реальной или трансцендентальной — осмысливают всеобщие способы координации объектов и их состояний. Такие критерии времени, как длительность, одномерность, неоднородность, необратимость, и пространства — протяженность, трехмерность, однородность и изотропность — в физическом мире отражают те формы его существования, которые приемлемы для геометрии и физики.

Однако социум, осуществляясь как во времени, так и в пространстве, представляет собой иную форму бытия, поэтому то, что при рассмотрении физического пространства-времени, является необходимым, не остается также и достаточным в построении целостной картины социума. На первый взгляд, было бы возможно наложить изученные в естествознании характеристики времени и пространства на особенности общественно-исторической формы существования «и тем самым получить набор всех свойств социальных времени и пространства» [1, с. 9]. Однако в этом случае полученное в естественнонаучном познании содержание окажется искаженным или деформированным.

Социальное время не имеет абсолютных хронологических характеристик: за один и тот же период различные исторические социальные системы проходят особый путь развития: время накопления всех элементов, составляющих необходимые условия бытия в первобытном обществе и современном несопоставимы по своей длительности. Различны темпы, циклы, повторяемость этих процессов. К примеру, в эпоху Средневековья единица времени — час «обладал неодинаковой протяженностью в разные времена года» [2, с. 22]. Различно и восприятие времени: «В одних культурах время циклично — история состоит из бесконечных повторений одной и той же цепи событий. В других культурах... время — дорога, проторенная между прошлым и будущим, по которой идут народы и общества. Встречаются также культуры, в которых человеческая жизнь счита-

ется стационарной во времени: не мы приближаемся к будущему, а будущее приближается к нам» [3, с. 21].

Так же обстоит дело и с пространством, которое оформляет социальные процессы, придавая им целостность и определенность. И если время предполагает чередование прошлого, настоящего и будущего, то пространство характеризует общественные процессы в их «настоящем», составляя единство с временным фактором. Относительность социального пространства отмечал М. Хайдеггер, сказавший, что не только временные, но и пространственные расстояния могут сближаться и растягиваться, чему способствуют современные технические возможности. Но, несмотря на развитие техники, «спешное устранение всех расстояний не приносит с собой близости; ибо близость заключается не в уменьшении отдаленности. Что пространственно оказывается в минимальном отдалении от нас, благодаря кинокадру, благодаря радиоголосу, может оставаться нам далеким. Что непредставимо далеко в пространстве, может быть нам близким. Малое отстояние — еще не близость. Большое расстояние — еще не даль» [4, с. 316].

Осознание социального пространства не исчерпывается географической локализацией того или иного общества. Ни одна метрика здесь не будет иметь применения, хотя все складывающиеся в обществе социальные отношения жестко территориализованы. На конкретной территории осуществляется хозяйство, происходят экономические и политические процессы. Правовые отношения также связаны как с владением собственностью, в том числе и земельной, так и владением недвижимостью и движимостью другого рода. Кроме того, социальное пространство насыщено определенными социальными системами и отношениями между ними.

М. Хайдеггер в характерной для него форме анализа языка, устанавливая параллели между словами «пространство» — «простор» — «простираение», предполагает пространство как то, что «несет с собой свободу, открытость для человеческого поселения и обитания». При этом «простор ... есть высвобождение мест, где судьбы поселяющегося тут человека повертываются или к целительности родины, или к губительной безродности, или уже к равнодушию перед лицом обеих» [4, с. 314]. В этом размышлении немецкий философ прямо связывает пространство с человеческим отношением к месту обитания, с самим обитанием, с судьбой человека, т.е. с элементами социальности.

Основоположник социологии О. Конт попытался объединить геометрические представления о пространстве с социальными: используя декартову систему координат, он предлагает считать ось X предназначенной для обозначения экономических процессов, ось Y — духовных и Z — моральных. В его социальной динамике предлагалось считать единицами измерения расстояний между социальными объектами такие явления как взаимопонимание или иные социально-психологические факторы.

Одну из наиболее полных теорий социального пространства предложил П. Сорокин, выделивший следующие элементы пространственности: социальные группы, отношение этих групп друг к другу, а также «отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество» [5, с. 299]. Он замечает, что там, где живет лишь один человек, нет социального пространства. Для Сорокина социальное пространство включает в себя все народонаселение

Земли, социальное положение как совокупность связей каждого человека со всеми группами населения и внутри своей группы, совокупность групп, т.е. все, что составляет для человека, группы или общества систему социальных координат, определяющую локализацию любого индивида. Поэтому социальное пространство в противоположность естественнонаучному многомерно. Оно предполагает дифференциацию людей по половым, возрастным, религиозным, партийным, профессиональным, экономическим, государственным, национальным группам. «Оси дифференциации», считает он, специфичны, они не совпадают друг с другом. При этом существуют как горизонтальные, так и вертикальные параметры, отражающие иерархии, ранги, доминирование и субординирование, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе [5, с. 301]. Следовательно, для Сорокина социальное пространство не так жестко связано с локализацией, как это предполагалось в системе марксистской теории, для которой социальное пространство — это пространство хозяйствования, пространство обращения капитала и актуализация определенного способа производства.

Уже для Маркса социальное пространство никоим образом не совпадает ни с географическим, ни с тем, что Хайдеггер позже назовет «физико-техническим» пространством. Опираясь пространственными характеристиками, такими, как «сфера», «граница», «протяженность», Маркс имеет в виду те формы связи и организации общества, в которых происходит движение капитала. Маркс, пожалуй, впервые в истории науки связал уровень развития производительных сил с территориальными аспектами хозяйственного освоения. Он «вписал» социальные отношения в природные условия, в которых эти отношения осуществляются: «В производстве люди вступают в отношение не только к природе. Они не могут производить, не соединяясь известным образом и для взаимного обмена деятельностью. Чтобы производить, люди вступают в определенные связи и отношения, только в рамках этих общественных связей и отношений существует их отношение к природе, имеет место производство» [6, т. 6, с. 441]. Таким образом, Маркс не только связывает процесс производства с отношениями людей, с природой, но и выделяет в системе этих отношений сугубо социальную сферу.

Таким образом, социальное пространство требует иных, чем в отношении природы и даже чем в космологической парадигме, критериев для своего осмысления. Социальные процессы протекают в качественно ином пространстве по сравнению с физическим, географическим, биологическим. Здесь более важной характеристикой, чем протяженность, является структурность, поскольку структура обладает границами, «изменение которых ... приводит к изменению самого объекта», вследствие чего «структура проявляет себя в определенном смысле как пространство» [7, с. 130]. Следовательно, необходимо выявить основные элементы социальной структуры и найти закономерную связь между ними. Среди таких структурных образований оказываются экономическое, демографическое, историческое, информационное пространства, существующие на двух уровнях: на уровне пространственной организации различных видов деятельности в физическом пространстве и на уровне социальных отношений, складывающихся в процессе деятельности. Среди последних — расселение и связанные с ним проблемы градостроительства, экономики и демографии. Важная роль принадлежит созданию материально-пространственной среды, которая не является пассивным образованием, будучи связанной с отношениями,

складывающимися в обществе, «она в состоянии активно влиять на них, способствовать или, наоборот, затруднять развитие новых отношений» [7, с. 159]. В качестве дефиниции социального пространства авторы цитируемого труда предлагают следующее положение: «Под социальным пространством мы понимаем такую форму существования элементов социального бытия, которая объективно закрепляет их положение и связи, обусловленные общественными отношениями, независимо от места их проявления» [7, с. 167].

Итак, пространство и время — всеобщие формы существования универсума и, одновременно, столь же всеобщие формы познания этого универсума. В этом своем качестве и пространство, и время объективны, независимы от наполняющей их материи. И если объективная сфера пространственно-временных характеристик достаточно полно схвачена и осмыслена в современной науке, то проблема культурного пространства еще только ждет своего разрешения. Сложность рассмотрения культурного пространства связана с тем, что в его параметры входят многочисленные связи: социальные, социетальные, ментальные, коммуникативные, а также осмысление их на обыденном и теоретическом уровне соответственно в теоретической или перцептивной картине мира. Важно и то, что какими бы ни были представления о социальном пространстве, они должны в той или иной форме включать в себя культурную компоненту, ибо общество как особая форма жизнедеятельности не существует вне культуры.

В конце 80-х гг. XX в. категории пространства и времени начинают анализироваться как культурно-исторические феномены, поэтому вполне понятен интерес исследователей к мифологическим и художественным концепциям прошлого. Например, С.А. Токарев говорит, что для эмпирических действий человек на ранних этапах существования довольствовался тем, что знал дорогу из одного места в другое [8, с. 252]. Но с развитием и усложнением социальных отношений, появлением вопросов распределения территории между социальными группами во избежание столкновений возникает потребность в формировании соответствующих понятий пространства и времени, которые составляют существенную часть общественного сознания. Пространственная «схема» первобытного мышления строилась таким образом, чтобы лучше ориентировать социальную деятельность первобытного коллектива. И хотя история воззрений на пространственно-временную сферу бытия касалась по преимуществу их субстанциональности, в различных, довольно разрозненных высказываниях можно увидеть и обозначить новое осмысление социальных аспектов этой проблемы. Например, русский просветитель И.П. Пнин в поэме «Человек» (1805 г.) восклицает:

В каком пространстве зрю ужасном
Раба от **Человека** я,
 Один — как солнце в небе ясном,
 Другой так мрачен, как земля.
 Один есть все, другой ничтожность.
 Когда б познал свою раб должность,
 Спросил природу, рассмотрел:
 Кто бедствий всех его виною? —
 Тогда бы тою же рукою
 Сорвал он цепи, что надел.

Показательным здесь является не гражданственный пыл автора, а то, что он видит свободного человека и раба в конкретном пространстве российского

общества и обращает внимание читателя на социальную сторону того пространства, в котором он описывает своих действующих лиц — то есть их социальный статус. Примерно в то же время марксизм разрабатывает понятие пространства всемирно-исторического процесса, в котором действуют различные классы, базирующиеся на функционировании капитала. В процессе обращения капитал образует пространственную сферу своего обращения, т.е. мировой рынок. Эта сфера представляет собой процесс купли-продажи, расширяющий или даже ломающий все территориальные границы. «...В то время как капитал, с одной стороны, должен стремиться к тому, чтобы сломать все локальные границы общения, т.е. обмена, завоевать всю Землю в качестве своего рынка, он, с другой стороны, стремится к тому, чтобы уничтожить пространство при помощи времени, т.е. свести к минимуму время, которое необходимо для продвижения товаров от одного места к другому. Чем более развит капитал, чем вследствие этого обширнее рынок, на котором он обращается, который образует пространственную сферу обращения капитала, тем сильнее он в то же время стремится к еще большему пространственному расширению рынка и к еще большему уничтожению пространства посредством времени» [9, т. 46, ч. 2, с. 32]. Однако рамки марксизма ограничиваются исключительно рассмотрением функционирования капитала. При этом оказывается, что практически почти не берется во внимание социальная стратификация общества, та самая «вертикаль», которая является базой социокультурных отношений и взаимодействий в обществе. Если же на первом месте остаются экономические связи и закономерности общества, включая также и географическую среду, то культурные процессы отодвигаются на второй план и становятся явлением зависимым, вторичным. При этом полнота картины социального пространства утрачивается, поскольку способ производства сам по себе включает и вещественную, и производственную сферу, и, следовательно, все общественные системы, а также и все разновидности духовной жизни общества целиком. То есть социально-культурное пространство — это образ жизни общества.

Питирим Сорокин в одной из своих ранних работ говорит, чем социальное пространство в корне отличается от геометрического. Люди, находящиеся геометрически в одном пространстве (король и слуга, хозяин и рабочий) социально дистанцированы. И наоборот, братья, единомышленники (политические или религиозные), генералы одной армии (в Америке и Китае) социально близки. Поэтому так же, как и геометрическое пространство — это вселенная, где располагаются физические тела, «социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения земли» [5, с. 298]. Сорокин отмечает, что определить «положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие “точки отсчета”». Для того же, чтобы определить это положение, необходимо: 1) указать отношение человека к определенным группам; 2) отношение этих групп друг к другу внутри популяции; 3) отношение данной популяции к другим популяциям, входящим в человечество. В этой связи, отмечает Сорокин, Евклидово пространство трехмерно, социальное — многомерно, и в этом пространстве оси дифференциации людей по каждой группе (пол, возраст, партии, религии, экономический статус, профессия, государство, нация) специфичны и не совпадают друг с другом. Вертикальные параметры социального пространства отражают «явле-

ния, действительно существующие в социальной вселенной: иерархии, ранги, доминирование и субординация, авторитет и послушание, повышение и понижение по службе» [5, с. 299]. Кроме вертикальных отношений, в социальном пространстве существуют и горизонтальные связи и отношения. Это отношения симпатии и антипатии, другие взаимодействия психологического характера, а также перемещения людей из одной группы в другую в структуре семейных, религиозных и других аналогичных групп общества. Таково же движение различных идей: моды, научных, политических теорий, явлений искусства и т.д.

Современные авторы [10, с. 20] иногда определяют культурное пространство социума как отдельное, особое «пространство значений. Оно не выражается непосредственно в каких-либо расположениях материальных предметов, а выражает позиции культурных значений относительно друг друга». Однако так же, как и в системе мировоззрения невозможно разделить гносеологические и аксиологические его аспекты от системы поведения, знаков, значений и смыслов, от действий и деятельности, от фоновых ожиданий, так и вывести какое-то одно из этих явлений за пределы культуры — означает сузить и ограничить весь массив культурного пространства.

Следовательно, культурное пространство социума включает в себя и цивилизационную его сторону, и социетальное пространство, и пространство значений. И то, и другое, и третье представляют собой состояние человеческого бытия, которое только в своей полноте и целостности образует совокупное бытие культуры. Все стороны социума «сверхприродны», выступают в качестве артефактов, как и область значений и смыслов, созданных человеком. С нашей точки зрения, хозяйственную деятельность также можно рассматривать как культурную, поскольку ее основанием является деятельность человека по изменению окружающей среды.

Материальная культура занимает в социуме существенное место. В книге «Философия хозяйства» известный русский мыслитель С.Н. Булгаков высказывает мысль о том, что «культура, т.е. трудом или хозяйственно вызываемый или реализуемый рост жизни, предполагает природу (в смысле ее некультурного или, точнее, вне- и до-культурного, до-хозяйственного состояния), как свою основу. Природа без труда, без трудовой культуры не может выявить своих сил, по крайней мере, в человеке, выйти из полудремотного существования, но, с другой стороны, и культура не имеет иных творческих сил, кроме заложенных уже в природе», поэтому «природа есть единственная основа культуры, материя для хозяйственного воздействия, вне ее также немыслимо и невозможно хозяйство, как вне жизни невозможен конкретный опыт» [11, с. 3–4].

С.Н. Булгаков обозначил место деятеля, субъекта хозяйствования в окружающем его мире: «всякий хозяйственный акт представляет собой некое объективное деяние, актуальный выход человека из себя во внешний мир и действие в нем. Он есть некоторое действие в мире вещей и на вещи: будет ли это труд земледельца, промышленного рабочего, механика, инженера, ученого исследователя, или это будет работа по организации фабрики с машинным разделением труда или по торговле с ее спекуляцией, хозяйство состоит, во всяком случае, из действий над вещами или объективных действий», поэтому «всякий хозяйственный акт осуществляет собой некоторое слияние субъекта и объекта, внедрение субъекта в объект, субъективирование объекта или даже выход субъекта из себя в мир вещей, в объект, т.е. объективирование субъекта». Хозяйственная

деятельность для Булгакова — творческий процесс, включающий в себя постоянное моделирование и проектирование действительности, в результате чего вырабатывается специфический опыт, лежащий в основу любых дальнейших построений. Поскольку же и моделирование, и проектирование, и прогнозирование действительности представляют собой создание новых значений, равно как и постоянное использование, постижение и оценку существующих, то эта деятельность уже по определению является культурной. Она ведет к созданию новых артефактов (а в системе хозяйствования новых вещей, товаров и прочего), осуществляясь в определенном пространстве, в котором функционирует та или иная экономика, характерная для данного общества.

В сфере пространства социума культура актуализируется как некое двойственное явление. С одной стороны, культурно-хозяйственная деятельность влияет на все стороны человеческой жизни, с другой — для уже существующего уровня развития хозяйства культура становится объединяющей компонентой. Следовательно, культурное пространство социума предполагает наличие в нем всех тех хозяйственных аспектов, которые порождают прочие составляющие общества:

- формы государственности и соответствующие ей значения и символы;
- формы социальности и соответствующие им социальные группы вкупе со всеми возможностями социальной мобильности;
- всю систему «социальных условий» и «координат» [10, с. 20] человеческого бытия;
- человека как индивидуальность и личность, определяя ему место и роль в этом социуме.

Все это находит свой «второй круг» в системе постижения мира в целом и социума в частности — в морали, религии, искусстве, науке и т.д.

Культурные особенности отношений между людьми в том или ином социуме всегда составляли специфику этого общества. Чем примитивнее общество, тем проще и непосредственнее связи между социальными группами, полами, возрастами. Необходимость заниматься одинаковой деятельностью рождает сходство во взглядах, поведении, понимании своей роли в обществе. Вследствие этой гомогенности рождается и общее враждебное отношение к иному, чужому, постороннему, предположительно нарушающему желанный гомеостаз. Усложнение характера и видов деятельности усложняет и деление общества на различные слои и группы, что приводит к усложнению социальных отношений, от обычаев и правил поведения до языка, от возможностей вертикальной мобильности в обществе до возможностей горизонтальных перемещений в социальном пространстве. К примеру, крепостной крестьянин не только не мог подняться по социальной лестнице, но (особенно в России) и совершать путешествия и не только потому, что в силу специфики деятельности был привязан к земле, но и потому, что не имел на это права.

Убедительным примером такого положения является судьба талантливого французского поэта XVII в. Адама Бийо, по прозвищу «мэтр Адам». Он был придворным столяром герцогини Неверской, сам выучился грамоте, сочинял оды, стансы, рондо, эпиграммы и песни, которые достигли столицы Франции, привлекли внимание известных литераторов и даже кардинала Ришелье. Однако Париж его так и не принял, а литераторы, на чье покровительство он рассчитывал, с известной иронией называли его «Вергилием с рубанком» и в свои

круги не допустили. Место Адаму Бийо было предопределено социальным статусом.

Условия для расширения социокультурного пространства могут быть различными настолько, насколько различно само общество, его политические, экономические, социальные и социетальные аспекты. Однако путь каждого социального слоя из безвестности или небытия в социум, расширение его пространственного присутствия практически всегда сопровождался одинаковыми тенденциями. Социальный слой (или социальная группа, класс), который приобретал значимость во всех социальных процессах, занимал сколько-нибудь значимое место в экономике общества, перемещаясь с периферии общественной жизни в ее центр, завоевывал политические позиции. Следующим шагом каждого социального слоя, завоевывающего социальное пространство, должно стать приобщение к культуре, ее осмысление, освоение, развертывание многочисленных связей, участие в культурных процессах в качестве создателей, творчески активных личностей. Вхождение социального слоя в культуру сопровождалось встречным движением образования и образованности в данную группу с охватом все более широких его слоев и стремления к образованию все большего числа ее представителей.

Если для аристократов XVII в. было удивительным явление не просто грамотного, а и талантливого столяра, то примерно такое же отношение долго сопровождало купеческих отпрысков, особенно тех, кто был выходцем из крестьян или мелких ремесленников.

Конечно, и дворянская среда, равно как и купеческая, была разнородной, но общая тенденция все же прослеживается четко. С этой тенденцией основательно связана и различная «вписанность» в культуру представителей каждой социальной среды. С одной стороны стоят получающие преимущественно домашнее воспитание дворяне, знакомые с языками, искусствами, манерами, но редко стремящиеся к практическому использованию своих познаний. Тем более редки люди, жаждущие научной деятельности. «Труд упорный» «был тошен» не одному Онегину. В университет, открытый в XVIII в. для подготовки научных кадров из русских «младых людей», дворяне не особенно стремились, не считая для себя приличным заниматься наукой, тем более преподавательской деятельностью даже в университетах. Стать ученым (впрочем, как актером или писателем) — значило опозорить дворянское звание, и вплоть до начала XIX в. в российских университетах не преподавал ни один дворянин. В основном ряды ученых пополнялись разночинцами, составлявшими оплот интеллигенции этого времени. Тяга к обучению вызревала не только в кругах разночинцев. Многие купеческие отпрыски понимали огромную силу образования и образованности. Лучшие люди делового мира России, выходцы из крестьянской и купеческой среды получали образование в специальных училищах и университетах, и это было действительно лучшее образование, а не такое, которое можно купить за деньги. Они знали непреходящую ценность образования. В расширении своего образования они не выбирали из всей системы знаний того, что имеет лишь прагматическое значение. Философия и история, литература и искусство не исключали знаний экономики, политики или специальных наук, связанных с производством. Они стремились развить в себе лучшие черты, присущие интеллигентному человеку.

Итак, каждая социальная единица порождает свой способ вхождения в бытие и тип порядка данной действительности. Порядок обнаруживает себя в присущих настоящей реальности закономерностях. И эти закономерности заложены в культуре, которая обеспечивает воспроизводство деятельности человека. Культура воздействует на общество через систему своих, особых координат, которые В.А. Конев [10] называет «дантовыми» координатами, к которым он относит сложившиеся в обществе ценности, преимущественно нравственного характера. Действительно, на протяжении жизни в социуме человек постоянно находится в ситуации выбора. Как точно замечал Э. Фромм, человек не свободен в выборе относительно того, иметь идеалы или не иметь их, но он свободен в выборе между идеалами. «Истина бытия» такова, что человек должен следовать этим идеалам. Это долженствование выработалось в процессе выживания его и как индивида, и как родового существа. В сфере деятельности человек находится на двух уровнях: на уровне целей и актов, с одной стороны, и на уровне средств и предметов — с другой. «Первый уровень определяется субъектом действия, второй — от него не зависит и представляет объективные условия деятельности».

Однако эти условия, кроме чисто природных факторов, — также представляют собой артефакты, на которые на более ранних этапах существования данного общества была направлена деятельность, познание, оценка каждого субъекта деятельности. Таким образом, культурное пространство социума постоянно «пульсирует», поскольку главный его субъект и объект — человек — постоянно движется от детерминации своих действий условиями социума к творческой свободе. Те артефакты, которые стали результатом творчества, постепенно превращаются в объективные условия дальнейшей жизни для последующих поколений. Социокультурное пространство как для отдельного человека, так и для социального слоя или общества в целом то расширяется, когда существуют многообразные перспективы для этого расширения, то сужается, если резервы роста исчерпаны. Поэтому культурное пространство социума позволяет или не позволяет социальному слою или индивиду реализовать полностью свой потенциал, либо ограничивает до минимума его возможности. Это зависит от многих моментов: от наличия и развитости материальных средств и социальных институтов, от форм организации общества и его жизни, традиций, обычаев, установок, а также вкусов, идеалов, верований, фоновых ожиданий и т.д. «Законы, установки и традиции выступают законами социальности, так сказать, дважды, так как без них нет сообщества, и так как они есть требования самого сообщества. ... Социальная закономерность становится объективным основанием порядка человеческого мира, если сам человек это основание конституирует» [10, с. 51]. Это конституирование предполагает не только принятие существующих социальных закономерностей, но и распространение их на все стороны жизни. Социальная закономерность «светится» во всех элементах бытия общества в большей или меньшей степени.

Совокупность и особенно взаимодействие всех названных элементов и представляет собой ту самую целостность культуры, которая выступает как облик эпохи, ее отличительное начало, совокупное бытие человечества.

Однако самым главным критерием уровня культуры общества становится та мера свободы, которой обладает общество в целом и каждый его индивид или любой общественный слой. Чем большим уровнем свободы владеет любой

представитель социума, тем шире его возможности в культурном пространстве общества.

Однако в повседневной жизни каждого члена общества свобода связана с тем, как этот человек осмыслил свое место в обществе, а также с тем, как общество регламентирует его жизнь, деятельность, реализацию природных возможностей, способностей и задатков. При этом нужно учитывать, что не только различные социальные институты, но и уровень притязаний личности регулирует деятельность. Максимальная свобода человека в отношениях к обществу, другим людям и к самому себе реализуется в его продуктивной деятельности. Однако в систему продуктивной деятельности входит не только, так сказать, «чистое» творчество, но и репродуктивное начало, без которого невозможно творчество. В системе же репродуктивной деятельности человек тем более свободен, чем более он соответствует уже существующему порядку и чем меньше его нужно принуждать к соблюдению этого порядка. Свобода личности, таким образом, представляет собой весьма тонкую и неравновесную линию поведения, пролегающую между безынициативным послушанием, ведущим к отказу от самого себя, и произволом, также несущим в себе разрушительное и саморазрушительное начало.

Свобода как показатель культуры есть предоставление человеку возможности вертикальной мобильности, т.е. к преодолению «сопротивления материала» общественных социальных структур и к переходу человека или социальной группы на более высокий уровень. Независимо от того, каждый ли человек может преодолеть это пространство в личной судьбе, наличие такой возможности в обществе представляет собой предпосылки для развития культурного потенциала общества в целом, поскольку она способствует расцвету творчества, предоставляя право каждому выбирать свою собственную судьбу и осуществлять ее в конкретном пространстве мира и в культурном пространстве социума.

Библиографический список

1. Лой А. Н. Социально-историческое содержание категорий «пространство» и «время». Киев: Наукова думка, 1979. 135 с.
2. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 359 с.
3. Тоффлер Э. Наука и изменение: Предисловие к книге И. Пригожина и И. Стенгерс «Порядок из хаоса». М.: Прогресс, 1986. С. 11–33.
4. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие: Сб. статей. М.: Республика, 1993. С. 312–315.
5. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. 351 с.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Наемный труд и капитал // Соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1957. С. 428–459.
7. Потемкин В. К., Симанов А. Л. Пространство в системе мира. Новосибирск: Наука, 1990. 176 с.
8. Проблема общественного сознания доклассовой эпохи // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Изд-во Института этнографии АН СССР, 1972. С. 230–239.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Соч. Т. 46. Ч. 2. М., 1969. С. 5–394.
10. Конев В. А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Изд-во Самарского университета, 2003. 93 с.
11. Булгаков Н. С. Философия хозяйства. М.: Республика, 1990. 413 с.